

DOI: 10.31857/S013038640009146-8

© 2020 г. И. А. ХОРМАЧ

СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО НА МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В ГЕНУЕ ПО ЭКОНОМИЧЕСКИМ И ФИНАНСОВЫМ ВОПРОСАМ. 10 апреля – 19 мая 1922 года

Хормач Ирина Александровна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: Irinakhormach@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме решения вопроса финансово-экономического восстановления Европы и России на Генуэзской конференции 1922 г., определению роли форума для становления советской внешней политики. Автор показывает существенное изменение внешнеполитической линии РСФСР, связанное с решением Политбюро о приоритете нормализации отношений с европейскими державами для восстановления разрушенного войной и интервенцией хозяйства страны.

На основе значительного количества опубликованных и архивных источников (решения и инструктивные письма Политбюро, доклады и отчеты советской делегации Политбюро и Коллегии НКВД, записи бесед, стенограммы заседаний делегаций и комиссий, комитетов конференции и многие другие), а также воспоминаний и трудов участников форума в статье показаны подготовка к конференции Советского государства при участии высшего руководства страны и большого количества государственных учреждений; разработка задач, стратегии и тактики советской делегации, поиск платформы для возможных компромиссов. Большое внимание уделено как ходу работы конференции, так и деятельности дипломатов и экспертов в кулуарах и неофициальным встречам глав делегаций. Рассмотрены позиции западных держав в связи с решением основного и наиболее острого вопроса о долгах и контрпретензиях Советского государства и причины, приведшие к преждевременному прекращению работы конференции в Генуе и передаче нерешенных проблем долгов и контрпретензий на рассмотрение конференции экспертов в Гааге. На повестку дня Гаагской конференции была поставлена проблема выработки способов компенсации ущерба пострадавшим от национализации иностранной собственности в России.

Изученные материалы показали, что Генуэзская конференция стала новым этапом в формировании внешней политики Советского государства в соответствии с изменившимися внутренними условиями — введением новой экономической политики и задачей перехода от противостояния капиталистическому миру к мирному сосуществованию с ним.

Ключевые слова: Внешняя политика СССР, международные конференции, Генуэзская конференция, экономическое восстановление Европы, Каннская резолюция, Рапалльский договор.

I. A. Khormach

The Soviet State at the International Conference in Genoa on Economic and Financial Matters, April 10 – May 19, 1922

Irina Khormach, the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: Irinakhormach@yandex.ru

Abstract. The article is focused on the problem of resolving the issue of financial and economic recovery of Europe and Russia at the Genoa Conference of 1922, determining its role in the formation of Soviet foreign policy. The author shows a significant change in the foreign policy of the RSFSR, associated with the decision of the Politburo to prioritize the normalization of relations with European powers in order to restore the economy of the country destroyed by war and intervention.

On the basis of a significant number of published and archival sources (decisions and guidance letters of the Politburo, the reports of the Soviet delegation of the Politburo and the NKID Collegium, records of interviews, transcripts of meetings, delegations and committees of the conference and many others), as well as the memoirs and papers of participants of the forum, the article details the preparations for the conference made by the Soviet State with top leadership of the country and a large number of government agencies taking part in the process, development of objectives, strategies, and tactics of the Soviet delegation, search for a platform for a possible compromise. Much attention is paid to both the course of the conference itself and the activities of diplomats and experts on the sidelines and informal meetings of heads of delegations, the position of the Western powers in connection with the solution of the main and most pressing issue of debts and counter-claims of the Soviet State and the reasons that led to the premature termination of the conference in Genoa and the transfer to the experts' conference in the Hague of unresolved problems of debts, counter-claims and ways of compensating the damage suffered by former foreign owners from nationalization.

The materials show that the Genoa Conference was a new stage in the formation of the foreign policy of the Soviet State reflecting changes of internal conditions – the introduction of a new economic policy and a new policy of transition from opposition to the capitalist world to a peaceful coexistence with it.

Keywords: Foreign policy of the USSR, international conferences, Genoa conference, economic reconstruction of Europe, Cannes resolution, Rapallo Treaty.

Генуэзская конференция – одна из самых известных в отечественной исторической науке. Этот форум в определенной степени был создан по инициативе Москвы и содействовал налаживанию диалога государств двух социально-политических систем. На нем представители Советской России впервые участвовали в обсуждении мировых экономических и политических проблем, а подготовку программы делегации контролировал В. И. Ленин. Историография проблемы весьма обширна. Различные вопросы Генуэзской конференции затрагиваются в обобщающих исследованиях, касающихся истории СССР¹ и деятельности В. И. Ленина; ей посвящались статьи и книги, подготовленные советскими дипломатами непосредственно после завершения этого форума, ее не обходили

¹ История дипломатии. М., 1963, т. 3; История внешней политики СССР 1917–1980. В двух томах. Изд. 4-е. М., 1981, и др.

вниманием в трудах о международных политических и экономических отношениях первой половины 20-х годов XX века². Разумеется, столь знаменательный форум должен быть рассмотрен и в плане определения его роли для развития советской дипломатии и поиска места новой России в системе международных отношений. Решение этой задачи облегчает большое количество отечественных и зарубежных опубликованных документов³, архивных материалов, касающихся подготовки конференции, позиции Политбюро и Народного комиссариата по иностранным делам, выработки программы и методов действий советской делегации, определении ее состава и полномочий. Ценным источником являются дневники, мемуары и воспоминания членов делегации — видных советских дипломатов и специалистов-международников⁴, труды В. И. Ленина и других партийных и государственных деятелей⁵.

ПРЕДЫСТОРИЯ КОНФЕРЕНЦИИ В ГЕНУЕ

После прекращения интервенции перед руководством РСФСР и правительствами капиталистических стран встала проблема восстановления экономических связей — чрезвычайно актуальная, учитывая тяжелые последствия мировой войны. Однако непримиримые разногласия вызывал вопрос погашения внешних долгов царского и Временного правительств. Дело дошло до того, что для его решения империалистические державы попытались воспользоваться тяжелым положением в стране, в значительной степени вызванным неурожаем и засухой в Поволжье. На конференции в Брюсселе (6–8 октября 1921 г.), в которой участвовали представители 21 страны, созданные для обсуждения вопроса о помощи России в связи с голодом, было выдвинуто в качестве обязательного условия предоставления кредитов признание советским правительством всех государственных долгов России и возвращение национализированной собственности иностранным подданным⁶.

Советской республике были необходимы поставки продовольствия, техники и оборудования, а главное — кредиты. Поэтому 13 сентября Политбюро ЦК рассматривало вопрос о долгах иностранным государствам⁷, а 28 октября правительство РСФСР направило Великобритании, Франции, Италии, Японии и США ноту, в которой заявило о готовности признать обязательства по довоенным

² *Лопатин В. Ф.* Провал антисоветских планов США. Генуя — Гаара. 1922. М., 1963; *Сонкин М. Е.* Ключи от бронированных комнат. М., 1970; *La conferenza di Genova ed il trattato di Rapallo 1922.* Roma, 1974; *Шишкин В. А.* Ленин и внешняя политика Советского государства (1917–1925). Л., 1977; *Petracchi G.* La Russia rivoluzionaria nella politica italiana: Le relazioni italo-sovietiche 1917–1925. Roma — Bari, 1982; *Хормач И. А.* Отношения между Советским государством и Италией 1917–1924 гг. М., 1993; и др.

³ Документ внешней политики СССР, т. 4, 5, М., 1960–1961; Генуэзская конференция 1922. Материалы Генуэзской конференции. М., 1922. (Далее — Материалы Генуэзской конференции); Documents on British Foreign Policy. 1919–1939 (Далее — DBFP). Ser. 1, vol. 15, 19, 20. London, 1967, 1974, 1976.

⁴ *Штейн Б. Е.* Генуэзская конференция. М., 1922; *Рубинштейн Л. Н.* Внешняя политика Советского государства в 1921–1925 гг. М., 1953; *Любимов Н. Н., Эрлих А. Н.* Генуэзская конференция. Воспоминания участников. М., 1963.

⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, 45; *Чичерин Г. В.* Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961.

⁶ Документ внешней политики СССР. М., 1960, т. 4, с. 792; Documents on British Foreign Policy. 1919–1939 (Далее — DBFP). London, 1976. Ser. 1, vol. 20, p. IX.

⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 673.

государственным займам в случае предоставления условий, обеспечивающих практическую возможность выполнения этих обязательств, признания правительства республики де-юре, а также предлагалось созвать мирную конференцию и рассмотреть взаимные претензии⁸.

Нота заинтересовала ряд государственных деятелей, в первую очередь Италии и Великобритании, которые считали, что форум с участием Советской России необходим для решения экономических проблем европейских государств. Прошло более трех лет после заключения Парижского мирного договора, а кризис еще не был преодолен: нерешенные финансовые вопросы, нарушение торговых связей, разруха в транспорте и многое другое препятствовало налаживанию мирной жизни в Европе. Оценивая ситуацию и перспективы конференции, В. И. Ленин отмечал: «Буржуазным странам надо торговать с Россией: они знают, что без тех или иных форм экономических взаимоотношений развал у них будет идти дальше, как он шел до сих пор»⁹. Кроме того, существенное влияние на позиции правящих кругов европейских стран и США оказывала их уверенность в том, что новая экономическая политика приведет к скорой реставрации буржуазного строя в России. Экономическими средствами они собирались достичь того, чего не удалось сделать путем интервенции — ликвидировать советскую власть, что неоднократно подчеркивал народный комиссар по иностранным делам Г. В. Чичерин¹⁰.

Английское правительство первым откликнулось на советское предложение. 2 ноября 1922 г. оно вручило представителю РСФСР в Лондоне Л. Б. Красину ответную ноту с положительной оценкой инициативы Москвы¹¹. А 4 января глава британского кабинета Д. Ллойд Джордж передал премьер-министру Франции А. Бриану меморандум, в котором призывал согласиться созвать европейскую конференцию с участием России и Германии в целях экономического восстановления Европы, обещая Франции взамен поддержку в вопросах о репарациях и гарантии в случае неспровоцированного нападения Германии на французскую территорию¹². Бриан был вынужден принять предложение¹³.

На заседании в Каннах (6–13 января 1922 г.) Верховный совет Антанты одобрил представленную Ллойд Джорджем резолюцию о созыве международной экономической и финансовой конференции европейских государств с участием Советской России и побежденных стран — Германии, Австрии, Венгрии и Болгарии для обсуждения мер по экономическому восстановлению Центральной и Восточной Европы¹⁴. Вместе с тем в документе содержались шесть условий сотрудничества участников конференции: 1. Нации не должны присваивать себе права диктовать другим принципы организации внутренней экономической жизни, и навязывать систему собственности — равноправие систем собственности, внутренней

⁸ Документы внешней политики СССР, т. 4. с. 445–448.

⁹ Ленин В. И. О международном и внутреннем положении Советской Республики. (Речь на заседании коммунистической фракции всероссийского съезда металлистов. 6 марта 1922 г.). — Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 2.

¹⁰ Чичерин Г. В. Семь лет советской внешней политики. — Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики, с. 325–326.

¹¹ Известия ВЦИК, 15.XI.1921; Maillo A. M. Il Foreign Office e la Conferenza di Genova. — La Conferenza di Genova ed il trattato di Rapallo 1922, p. 275–279.

¹² Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 724. Прим. 36.

¹³ DBFP. London, 1974. Ser. 1, v. 19, p. 8–9.

¹⁴ Материалы Генуэзской конференции, с. 3–10. Постановление Каннской конференции о созыве конференции в Генуе от 6 января 1922 г.; Документы внешней политики СССР. М., 1961, т. 5, с. 57–59.

жизни и управления¹⁵. 2. Кредиторы должны иметь гарантии, что их имущество и права будут пользоваться неприкосновенностью. 3. Нации, желавшие получить кредиты, должны признать все долги и обязательства государства и его общественных учреждений; вернуть или возместить все убытки, причиненные иностранным интересам конфискацией или секвестром имущества; восстановить охранительную систему законов. 4. Привести в порядок денежно-финансовую систему. 5. Воздерживаться от пропаганды, направленной на ниспровержение политической системы других стран. 6. Воздерживаться от враждебных действий против своих соседей. Особо отмечалось, что, если Российское правительство «для обеспечения торговли» потребует официального признания, союзники согласятся на это, если Москва примет указанные условия¹⁶. То есть был поставлен вопрос о признании Советского государства и включении его в программу восстановления Европы.

Верховный совет принял перечень вопросов для рассмотрения на конференции, включая проведение в жизнь принципов Каннской резолюции; условия восстановления доверия между государствами; финансовые, экономические и торговые проблемы; транспорт¹⁷. Местом конференции была выбрана Генуя. Работы, связанные с созывом форума поручались специальному комитету. Был также утвержден план создания международного консорциума по экономическому восстановлению Европы — организации частных лиц, участники которой имели бы право осуществлять экономическую экспансию в Советской России пропорционально своим вкладам в консорциум¹⁸.

7 января советское правительство получило официальное приглашение на конференцию. В документе особо отмечалось, что присутствие председателя СНК В. И. Ленина «значительно облегчило бы разрешение вопроса об экономическом становлении Европы»¹⁹. На следующий день приглашение было принято с оговоркой, что делегации будут даны широкие полномочия, даже если Ленин не сможет покинуть Россию из-за большой загруженности в связи с последствиями голода в стране²⁰.

После получения 13 января текста Каннской резолюции и выяснения состава участников конференции, в частности возможности присутствия на ней бывших правительств кавказских республик и контрреволюционных правительств Деникина и Врангеля²¹, Чичерин подтвердил согласие Москвы прислать делегацию, но 2 февраля поставил организаторов в известность, что безоговорочного принятия Каннской резолюции до начала дискуссии не будет²². На этот демарш 12 февраля Ллойд Джордж заявил Красину, что сам факт согласия РСФСР участвовать в конференции подразумевает принятие Каннских резолюций, и предложил

¹⁵ В. И. Ленин очень высоко оценил этот параграф резолюции, признававший частную и коммунистическую системы собственности и неизбежность как равные. — *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 192–193.

¹⁶ Материалы Генуэзской конференции, с. 3–5.

¹⁷ Там же, с. 5–7.

¹⁸ См. подробнее: *Petricioli V.* Italia alla Conferenza di Cannes. — *La Conferenza di Genova ed il trattato di Rapallo 1922*, p. 397–398, 400–406, 416; DBFP. London, 1967. Ser. I, v. 1, p. 789–790, 798; v. 19, p. 69–70, 77–78. По первоначальному плану доли Великобритании, Франции, Германии и США в основном капитале составляли по 20% от каждой страны, т. е. они должны были внести по 80 млн ф. ст.; Италии — 5% , т. е. 20 млн ф. ст.

¹⁹ Документ внешней политики СССР, т. 5, с. 48.

²⁰ Там же, с. 47.

²¹ Там же, с. 56–59, 81–82. Нота Чичерина МИД Италии от 6 февраля 1922 г. В ответе сообщалось, что в Геную приглашены все европейские государства, признанные де-юре, а вопрос о российских контрреволюционных правительствах даже не рассматривался. — Там же, с. 59.

²² Документ внешней политики СССР, т. 5, с. 77–78. Телеграмма Литвинова Воровскому от 2 февраля 1922 г.

согласиться, заявив о готовности обсудить их применение, что позволит делегации защищать свою точку зрения²³. Ленин был озабочен формальной стороной этого вопроса, но отказываться от участия в конференции было неразумно²⁴.

Пока РСФСР уточнял принципиальные моменты, остальные участники начали представлять организационному комитету списки вопросов для рассмотрения на конференции. Москву тоже просили прислать свой перечень вопросов для подготовки повестки дня²⁵. Советское правительство не питало надежд, что конференция сможет решить стоящие перед ним проблемы, но начало активную подготовку к форуму в надежде хотя бы оказать влияние на общественное мнение и внести раскол в империалистический лагерь. К моменту приглашения на конференцию РСФСР не имела плана действий, а только некоторые соображения по поводу займов и контрпретензий. Вопрос о подготовке программы был взят под наблюдение Политбюро, а В. И. Ленин лично его контролировал. Он настаивал на широчайшей программе, отражавшей внешнеполитическую концепцию РСФСР, в которую в качестве составной части должен был войти план экономического восстановления Европы с участием России²⁶.

Подготовка к Генуэзской конференции стала новым этапом в формировании внешней политики Советского государства в соответствии с изменившимися внутренними условиями — введением новой экономической политики и задачей перехода от противостояния капиталистическому миру к мирному сосуществованию. Чичерин подчеркивал, что выработать требуемую пропагандистскую программу сложно. Принципы международного регулирования политической и экономической жизни были уже скомпрометированы, так как использовались буржуазными правительствами «в качестве фигурных листков» для своего обогащения; единая золотая денежная единица была невыгодна остальным странам; распределение полезных ископаемых и ценностей подчинит мир капиталистическим мастодонтам²⁷. Но главное — отсутствовала продуманная политическая линия, необходимая для международных переговоров, и план экономического восстановления Европы с участием России²⁸. Ранее задачей советских дипломатов было достижение наилучших условий мира для каждого конкретного момента, поэтому готовились «мирные оффенсивы», показывавшие сущность советской политики с целью привлечения симпатии угнетенных классов и народов. Теперь встал вопрос, какую линию проводить в связи с новой экономической политикой: надо ли менять ее направленность, требовать пересмотра заключенных РСФСР договоров о мире, так как они были вынужденными и т.д. Нарком считал необходимым не отступать от прежней линии и, показывая стремление к реальной политике, использовать конференцию для изложения программы, прежде всего в интересах мировой революции²⁹. Позиция Чичерина нашла понимание у руководства страны.

От конференции не ждали чудес, но к подготовке отнеслись серьезно. Сразу после получения приглашения была создана специальная комиссия во главе с Чичериным. В ее состав вошли М. М. Литвинов, А. М. Лежава (заместитель наркома внешней торговли), Н. Н. Крестинский (полпред в Германии), Г. Я. Сокольников (заместитель НК финансов). На первом же заседании по предложению Чичерина решили составить декларацию из двух частей — политической

²³ Там же, с. 83. Телеграмма Л. Б. Красина Г. В. Чичерину от 13 февраля 1922 г.

²⁴ Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 106.

²⁵ Там же, с. 83. Телеграмма Л. Б. Красина Г. В. Чичерину от 6 февраля 1922 г.

²⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 34.

²⁷ АВП РФ, ф. 0418, оп. 1, д. 1, л. 13. Письмо Чичерина Ленину 12 февраля 1922 г.

²⁸ Там же, л. 14. Письмо Чичерина Ленину 13 февраля 1922 г.

²⁹ Там же, л. 14–17.

и экономической, в которой подчеркнуть преемственность политики советского правительства, перечислить меры, необходимые для сохранения мира и всеобщего экономического восстановления³⁰. В экономическом плане акцент делался на заключение крупных государственных займов и сохранение контроля над управлением важнейшими отраслями хозяйства РСФСР, причем определенные льготы рекомендовали предоставлять американским или германо-американским объединениям. Размеры необходимых кредитов для сельского хозяйства и добывающей промышленности были определены в сумму 2 млрд золотых рублей на три года с уплатой через пять лет, для чего был необходим государственный заем³¹. Разработкой всех экономических вопросов должны были заниматься соответствующие наркоматы. Для укрепления позиций РСФСР на конференции 9 января было принято решение предложить ЦК провести федерирование со всеми братскими республиками³². 13 января Сталин поставил перед Политбюро вопрос о вхождении в состав делегации представителей советских республик и ДВР, чтобы создать единый фронт РСФСР со своими союзниками. Он был не против объединения всех независимых республик на началах автономии, но на это не было времени, Ленин его полностью поддерживал³³.

На последующих заседаниях комиссии были заслушаны доклады заместителя наркома земледелия И. А. Теодоровича о районах для сельскохозяйственных концессий (бассейн Иртыша и Оби, Нарымский край, Центральная Россия и Семиречье), Я. А. Сокольников о рекомендуемых типах концессий (хлебные, лесные, морские, нефтедобывающие, угольные) и выделении пакетов акций иностранцам в советских трестах. НКФ поручили разработать вопрос об эмиссионном банке и создании специального банка для финансирования внешней торговли под общим контролем³⁴. 23 января после сообщения председателя ВСНХ П. А. Богданова о подготовке списка предприятий для сдачи в концессию, а затем и председателя Госплана П. С. Осадчего об объектах вложения капитала на территории России стало ясно, что необходимо изменить подход к решению этого вопроса, так как рассматривались практически все более или менее крупные заводы, фабрики, верфи, гавани и промыслы страны, а готовых проектов договоров почти не было. Красин призвал членов комиссии перестать витать в облаках, обсуждая сотни объектов и подготовить сжатую справку³⁵.

Была проведена работа и по выявлению ущерба РСФСР от мировой войны и интервенции³⁶, общая сумма которого исчислялась не менее 1,5 млрд золотых рублей, но только часть — 39 млрд имела неоспоримые доказательства. В то же время довоенные долги России странам Европы, по подсчетам комиссии, составляли

³⁰ АВП РФ, ф. 0418, оп. 1, д. 4, л. 14–17. Протокол заседания комиссии от 7 января 1922 г.

³¹ Там же, д. 26, л. 5–7.

³² Там же, л. 8.

³³ Там же, д. 2, л. 27.

³⁴ Там же, д. 26, л. 9.

³⁵ Там же, л. 10–11, 64–81.

³⁶ Сумма советских претензий была определена в результате двухлетней работы государственных организаций. С 1920 г. этими подсчетами занималась специальная Комиссия по исследованию влияния войны и интервенции на народное хозяйство под председательством В. Громана. Были проделаны многочисленные статистические исследования по ВСНХ, наркоматам Путей сообщения, Военному и Морскому, Финансов, Продовольствия, Социального обеспечения и другим. Были направлены специальные уполномоченные для учета ущерба Сибири, Кавказа, северных губерний, Туркестана, Дальнего Востока. Затем к этой работе был привлечен Институт экономических исследований при НК финансов РСФСР. В течение 1920–1921 гг. велась статистическая разработка данных ущерба, как по отдельным ведомствам, так и на местах.

9 650 млн³⁷. Военные долги России равнялись 8 846 млн зол. рублей, но она отказалась от возмещения по ст. 116 Версальского договора 16 100 млн зол. рублей, а ее военные расходы на «общее дело Антанты» составляли 19 400 млн³⁸. Если не удастся урегулировать вопрос долгов и кредитов, было решено для их оплаты создать концессии — хлебные, лесные, морские, нефтедобывающие, угольные³⁹. Обсуждались многочисленные материалы Института научных исследований при НКФ о восстановлении России как неотъемлемой части мирового хозяйства⁴⁰; разрабатывались планы восстановления различных отраслей народного хозяйства с учетом привлечения иностранного капитала; обсуждались вопросы гарантий займов, возможности удовлетворения претензий бывших собственников — иностранцев, перехода к золотой денежной единице и многие другие⁴¹.

Рассмотрение вопросов о концессиях и гарантиях продолжилось на заседаниях 26 и 28 февраля⁴², а в марте шла детализация программы и готовилась правовая основа регулирования внешней торговли Советской России. 13 марта был подписан декрет ВЦИК, согласно которому внешняя торговля РСФСР объявлялась государственной монополией. Экспортом российских товаров по поручению государственных органов, предприятий и кооперативных организаций мог заниматься Народный комиссариат внешней торговли (НКВТ). Всероссийскому Центральному Союзу Потребительских обществ (Центросоюз) предоставлялось право непосредственных экспортных сделок с заграничными кооперативными объединениями, при согласовании этой работы с НКВТ и под его контролем. Заявки на импорт наркоматов и главков должны были выполняться с участием специалистов, командированных в его заграничные представительства. Помимо этого, НКВТ должен был организовать акционерные предприятия для привлечения иностранного капитала⁴³. Монополия внешней торговли, по замыслу руководства, должна была предохранить от крупных убытков и даже разорения недостаточно окрепшую, бедную квалифицированными кадрами экономику страны. Эта новая форма торговых связей должна была опираться на концессии, как средство привлечения иностранных капиталов и научно-технического опыта для ускорения восстановления народного хозяйства страны⁴⁴. Это был интересный шаг, но непредсказуемый в плане экономического эффекта для народного хозяйства России из-за установления жесткого диктата административных органов над всей внешней торговлей страны.

Менялась и тактика Москвы. 23 февраля при обсуждении декларации Чичерин заявил, что поскольку мировая революция наступит позднее, ближайшей задачей является экономическое восстановление страны, причем с помощью западных государств, о чем и будет говориться на конференции. Были и другие мнения: Красин считал, что Генуэзская конференция — это просто торговая сделка, не требующая политического обоснования; Литвинов отстаивал необходимость хотя бы

³⁷ Там же, л. 10–11. Внешний довоенный долг России при учете взаимных претензий определялся в размере 4,2 млрд золотых рублей (не считая германского, около 1,1 млрд) плюс 970 млн железнодорожных займов, 340 млн займов городов и 180 млн займов земельных банков. Итого, около 5,7 млрд. Кроме того, упоминались 3 млрд иностранных капиталовложений в акционерные и неакционерные предприятия. Военный (1914–1917 гг.) внешний долг России определялся примерно в 7,5 млрд золотых рублей. — *Галин В. В.* Тенденции. Интервенция и гражданская война. М., 2004, с. 192.

³⁸ АВП РФ, ф. 0418, оп. 1, д. 26, л. 10–11.

³⁹ Там же, д. 2, л. 27.

⁴⁰ Там же, д. 26, л. 12–15.

⁴¹ Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 48, 65–72.

⁴² АВП РФ, ф. 0418, оп. 1, д. 26, л. 101–109, 117.

⁴³ Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 148–150.

⁴⁴ Там же, т. 3. М., 1959, с. 338–339.

обозначить внешнеполитические приоритеты страны⁴⁵. Но Ленин в проекте постановления «О задачах советской делегации в Генуе» 24 февраля, поставив на первое место политические лозунги, предложил ограничиться «самым общим указанием» на коммунистические взгляды руководства страны и подчеркнуть, что проповедовать их делегация не будет, так как ее цель — торговое соглашение, а по возможности — политическое соглашение с пацифистской частью буржуазного лагеря, чтобы расколоть враждебные силы⁴⁶.

К работе подключились и члены делегации, назначенной 27 января на Чрезвычайной сессии ВЦИК: председатель — В. И. Ленин, заместитель — Г. В. Чичерин со всеми правами председателя, представители РСФСР (нарком внешней торговли Л. Б. Красин, заместитель наркома по иностранным делам М. М. Литвинов, член ВЦИК А. А. Иоффе, полпред в Италии В. В. Воровский), Украины (председатель СНК и нарком по иностранным делам Х. Г. Раковский), Азербайджана (председатель СНК, член ВЦИК Н. Нариманов), Грузии (председатель СНК, член ВЦИК П. Г. Мдивани), Армении (нарком внешней торговли А. А. Бекзадян), Бухары (председатель совета назиров Ф. Ходжаев), ДВР (министр иностранных дел Я. Д. Янсон), а также представители ВЦСПС (А. Г. Шляпников, Т. В. Сапронов и Я. Э. Рудзутак)⁴⁷. Они разрабатывали темы по повестке дня конференции: изоляция России и мировая разруха; займы и кредиты для России; концессии; восстановление сельского хозяйства; денежное обращение; европейская политика и Версальский мир; разоружение, международные союзы и др.⁴⁸ Тезисы членов делегации сыграли существенную роль в составлении программ, правда, нередко они предлагали сложные вопросы решать по-революционному: не разбираться с взаимными обязательствами, а просто аннулировать их; провести полное разоружение; стабилизировать валюты путем перераспределения запасов золота между всеми странами Европы и Америки в довоенной пропорции на основе долгосрочного кредита и т.д. (Литвинов)⁴⁹; выступить с революционно-коммунистическим проектом создания подобия «мирового Госплана», в основе которого лежал бы принцип кооперации государств и разделения труда между ними в соответствии с природными и хозяйственными условиями (Иоффе)⁵⁰.

Изучив полученные материалы, Чичерин подготовил свой проект плана действий на конференции. Для благоприятного исхода конференции — главного условия получения займов и концессий, он рекомендовал показать свою способность быть купцами⁵¹. Прежде всего он предлагал признать Каннскую резолюцию, как основу для переговоров и заявить, что советское правительство признает долги при условии признания его контрпретензий и полного примирения, но цифры назвать только в комиссиях или после конференции. Военному долгу противопоставить военные расходы России (19 млрд руб.), неисполнение военных

⁴⁵ Там же, т. 5, л. 95–100.

⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 404–408.

⁴⁷ Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 67–68. 22 февраля представители перенаселенных республик подписали протокол, по которому республики передавали РСФСР защиту их интересов в Генуе и поручали заключать и подписывать от их имени все акты, которые могли быть выработаны на конференции. Общему фронту капиталистических стран противопоставлялось единство всех советских республик.

⁴⁸ АВП РФ, ф. 0418, оп. 1, д. 26, л. 59–60. Сообщение Чичерина 6 февраля на заседании комиссии по подготовке к конференции.

⁴⁹ Там же, л. 16.

⁵⁰ Там же, л. 98–99.

⁵¹ Там же, л. 104. Проект плана Чичерина был подготовлен примерно 24 февраля 1922 г.

и политических обязательств союзников, потерю Бессарабии и др. Довоенные долги и долги по национализации он предлагал погасить убытками от интервенции, а долги частным лицам признать, хотя бы теоретически, так как для стран Антанты это было важно как прецедент. Под видом конверсии старые долги превратить в новый заем с перенесением уплаты на отдаленные поколения, а новые долги начать выплачивать через несколько лет. Большое внимание нарком уделял дипломатической работе на конференции, чтобы расширить поле переговоров и заключать сепаратные сделки, подготовить почву для будущих займов и концессий⁵².

На следующий день, ознакомившись с новыми материалами, Чичерин направил в Политбюро еще одну записку, в которой подчеркнул острую необходимость привлечения иностранного капитала для восстановления хозяйства и поставил вопрос, актуальный во время Бреста, — стоит ли погибнуть из-за непримиримости или вступить на путь лавирования? Он подчеркивал, что надо следовать указаниям ЦК и разделять деятельность Коминтерна и советского государства, чтобы не поставить под удар все экономические достижения, так как целью поездки в Геную было решение вопроса о долгах и поиск компромисса⁵³. 2 и 6 марта он пишет Сталину и в Политбюро, что долг не безбрежен и предлагает варианты урегулирования вопроса⁵⁴.

В результате Политбюро пошло по пути, предложенному Чичериным. Несмотря на чисто экономический характер конференции, было решено изложить советскую позицию по основным политическим проблемам (о возможности сосуществования разных социальных систем, необходимости сокращения вооружений и всеобщего разоружения, укреплению мира в Европе). Но, чтобы помешать демократическим лозунгам стать «орудием империализма», 10 марта Чичерин предложил Ленину ввести в «международную схему» угнетенные народы и международные организации трудящихся — то есть использовать их в создаваемой в противовес Лиге наций международной организации, дублирующей ее структуру и цели, но подчиненной широкой общественности и действующей исключительно моральным авторитетом. На этом фоне провозгласить всеобщее сокращение вооружений, интернационализацию международных путей сообщения; создание сверхмагистральной Лондон — Москва — Владивосток (Пекин) для всеобщего использования богатств Сибири; распределение золота полезных ископаемых и т. д.⁵⁵. Кроме того, советской делегации поручалось проводить гибкую политику, добиваться равноправных и взаимовыгодных соглашений с капиталистическими странами, используя их разногласия⁵⁶.

Ленин высоко оценил пацифистскую программу-максимум Чичерина⁵⁷, которая была принята практически без изменений. 14 марта он направил Чичерину дополнение, в котором сформулировал еще один параграф — отменить все военные долги и пересмотреть Версальский и остальные мирные договоры⁵⁸, который, однако, не был принят.

24 марта Политбюро ЦК приняло Инструкцию делегатам, направляющимся на конференцию в Геную, установив правила, обеспечивавшие строгую дисциплину и единоначалие. Председатель должен был руководствоваться указаниями Политбюро, но ему предоставлялось право принимать окончательные решения

⁵² Там же, л. 105–107.

⁵³ Там же, л. 108–113.

⁵⁴ Там же, л. 121, 133.

⁵⁵ Ленинский сборник XXXVI. М., 1972, с. 451–454.

⁵⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 407–408.

⁵⁷ АВП РФ, ф. 0418, оп. 1, д. 1, л. 25.

⁵⁸ Там же, л. 26.

по всем без исключения вопросам⁵⁹. Делегации предписывалось по возможности уклоняться от обсуждения вопроса о признании Каннских условий, особенно касавшихся долгов. Если это не удастся, пытаться выдвинуть формулу: «Все страны признают их государственные долги и обязуются возместить ущербы и убытки, причиненные действиями их правительств»⁶⁰. Если не будет возможности достичь такого соглашения, Ленин рекомендовал идти на разрыв, выставив основной его причиной алчность горстки капиталистов, которым служат правительства капиталистических стран⁶¹. Он подчеркивал в письме Чичерину 14 марта 1922 г.: «На сделку, невыгодную нам, не пойдем, но правильная тактическая линия должна дать результаты даже и в том случае, если сама конференция кончится провалом»⁶².

Державы Антанты, со своей стороны, для согласования позиций создали конференцию экономических и финансовых экспертов в Лондоне 20–28 марта. Они разработали проекты резолюций и меморандум о восстановлении России и Европы — «Отчет экспертов предварительного совещания к Генуэзской конференции»⁶³. Он состоял из двух разделов. В первом под названием «Восстановление России» содержались условия предоставления России иностранной помощи. Советское правительство должно было принять на себя финансовые обязательства своих предшественников (18 млрд золотых рублей), предприятий «общественной пользы» (муниципальные, железнодорожные, другие займы), а также возместить ущерб, нанесенный иностранным собственникам русской революцией путем реституции собственности или компенсации. В приложениях предусматривалось создание Комиссии русского долга и его консолидация вместе с просроченными процентами до ноября 1927 г. Основным методом удовлетворения собственников должна была стать реституция собственности или компенсация⁶⁴. Таким образом, Россия ставилась в положение побежденной страны, к которой применим финансовый контроль и элементы режима капитуляций, причем вопрос о средствах восстановления России не затрагивался. Вторая часть документа была посвящена восстановлению Европы, причем в ней ни разу не упоминалось о России, и было непонятно, затронет ли РСФСР этот процесс до выплаты им долгов через 4,5 года. В ней рассматривались финансовые мероприятия (стабилизация и оздоровление валюты, укрепление кредитной системы); экономические (таможенные тарифы, импорт и экспорт); восстановление транспорта⁶⁵. Все предложения, касавшиеся стран Западной Европы, носили исключительно рекомендательный характер.

Перед организаторами конференции ставилась двойная задача — решение «русского вопроса» и восстановление Европы, но они были разделены. Кроме того, между союзниками не было единодушия, и образовались две группировки — англо-итальянская (стремившаяся к установлению деловых отношений с РСФСР и готовая на определенные компромиссы)⁶⁶ и франко-бельгийская (требовавшая безусловной оплаты всех русских долгов, льгот и юридических гарантий иностранцам, желавшим иметь экономические и торговые связи с Россией).

⁵⁹ Там же, д. 36, л. 104–105.

⁶⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 406.

⁶¹ Там же, с. 407.

⁶² Там же, т. 45, с. 34.

⁶³ DBFP. Ser. 1, vol. 19, p. 257–275; Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 245–259.

⁶⁴ Материалы Генуэзской конференции, с. 92–96.

⁶⁵ Там же, с. 113–114.

⁶⁶ Штейн Б. Е. Генуэзская конференция. М., 1922, с. 43–44; Бюллетень НКВД. 1922, с. 107; Italia. Parlamento. Camera dei senatorii. Atti Parlamentari. Discussioni. Roma, 1922. Legislatura 26. vol. 3, p. 2594–2597.

США отказались от участия в форуме, но требовали равную для всех возможность участия в экономической жизни⁶⁷. Это давало шанс Москве договориться с союзниками. Последним штрихом в подготовке конференции стали новые изменения в советском законодательстве, облегчавшие экономическое и финансовое сотрудничество с западными странами⁶⁸. Они должны были создать благоприятную атмосферу для успешной работы советской делегации на конференции.

ГЕНУЭЗСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Генуэзская конференция проходила с 10 апреля по 19 мая 1922 г. На ней присутствовали делегаты от 29 государств и пяти английских доминионов, более 700 журналистов, представители банковских, финансовых и промышленных кругов. Пять стран — Англия, Франция, Италия, Бельгия и Япония получили титул приглашающих держав и имели ряд привилегий. Россия и Германия тоже находились на особом положении — они, как и приглашающие державы, имели по пять представителей (в то время как остальные — по два) и участвовали во всех комиссиях конференции⁶⁹.

Советская делегация во главе с Г. В. Чичериным (В. И. Ленин по решению советского правительства остался в Москве) прибыла в Геную 6 апреля. Из 11 членов делегации официально были признаны только пять (Чичерин, Красин, Литвинов, Иоффе, Раковский), как и у других делегаций (итальянская при той же квоте насчитывала 129 человек)⁷⁰. На следующий день состоялось заседание советских делегатов и экспертов, на котором они обсудили повестку дня и распределили обязанности⁷¹.

9 апреля представители Антанты провели свое заседание. На нем французы заявили о необходимости в ультимативной форме потребовать от советской делегации в приветственной речи упомянуть о признании Каннской резолюции. Только в этом случае они соглашались допустить ее во все комиссии. Итальянские организаторы обратились к Чичерину с убедительной просьбой принять это условие. Он согласился⁷², и в тот же день бюро делегации (Чичерин, Воровский, Иоффе, Красин, Литвинов, Рудзутак, Раковский) утвердило текст речи с соответствующим заявлением⁷³.

Первое заседание конференции состоялось 10 апреля. Председателем был избран итальянский премьер — Л. Факта. В своей декларации он отметил, что державы, прибыв на конференцию, тем самым признали обязательность Каннских условий⁷⁴, а выступивший следом Ллойд Джордж изложил Каннскую резолюцию, подчеркнув равенство участников конференции вне зависимости от их политических взглядов, неделимость мира и опасность срыва конференции⁷⁵. Л. Барту также призвал к миру и поддержанию принятого порядка. Речи представителей Японии (виконт Исии) и Бельгии (Ж. Тёнис) о необходимости восстановить

⁶⁷ Материалы Генуэзской конференции, с. 26–32, 35–37.

⁶⁸ Там же, с. 38–41. Нота Чичерина союзникам от 15 февраля 1922 г.; Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 152–155.

⁶⁹ Штейн Б. Е. Генуэзская конференция, с. 23–24.

⁷⁰ Там же, с. 25.

⁷¹ АВП РФ, ф. 0418, оп. 1, д. 29, л. 1.

⁷² Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 191. Телеграмма Чичерина в НКВД 9 апреля 1922 г., с. 206. Письмо Чичерина в НКВД 10 апреля 1922 г.

⁷³ АВП РФ, ф. 0418, оп. 1, д. 32, л. 1.

⁷⁴ Материалы Генуэзской конференции, с. 65–67.

⁷⁵ Там же, с. 67–71.

нормальные международные экономические, финансовые и транспортные связи, не привлекли внимание зала, как и обращение представителя Германии рейхсканцлера Й. Вирта⁷⁶.

В тот же день Чичерин выступил с советской программой. Он заявил, что правительство РСФСР, оставаясь на позициях принципов коммунизма, признает необходимость экономического сотрудничества между государствами разных социально-политических систем на основе координации действий и взаимных компромиссов. Он отметил, что экономическое восстановление Советской России является условием общего восстановления, и заявил, что советское правительство готово открыть границы для международных транзитных путей, предоставить концессии и развивать сотрудничество с западноевропейскими странами, признает в принципе положение Каннской резолюции, сохраняя за собой право внесения дополнительных пунктов и поправок. Он также сообщил о мероприятиях российского правительства в области законодательства, соответствующих новой экономической политике страны, необходимых для экономического сотрудничества с РСФСР государств, базировавшихся на частной собственности. В заключение нарком предложил, чтобы установление всеобщего мира было проведено Всемирным Конгрессом, созданным на основе полного равенства всех народов, и пообещал поднять позднее вопрос о разоружении⁷⁷. Декларация вызвала интерес, но предложение обсудить проблемы, выходящие за рамки экономической конференции, были отклонены⁷⁸.

Несмотря на это, начало конференции делегация восприняла как успех — ей удалось представить советскую программу целиком, что могло снискать поддержку пацифистских кругов и народных масс других стран.

После завершения прений и подтверждения, что Каннские условия являются основой конференции, были образованы пять комиссий: мандатная, политическая, финансовая, экономическая и транспортная. Делегации могли назначить одного или двух представителей в каждую комиссию, а также технических советников. Председатель конференции вместе с председателями комиссий составляли Президиум конференции. Для ознакомления общественности с работами конференции было решено выпускать официальные сообщения⁷⁹. Политическая комиссия имела одну подкомиссию, выделенную в процессе работы в комитет по русскому вопросу, и специальный комитет по делам Австрии, в который Россия не допускалась. Финансовая — включала три подкомиссии (валютную, кредитов и денежного обращения) и один комитет экспертов (советские представители в него не входили, несмотря на протесты делегации)⁸⁰. Экономическая комиссия имела две подкомиссии (экономическую и юридическо-экономическую), а также и комитет по вопросам труда (в который Россию не включили). Транспортная комиссия образовала три подкомиссии (организационную, железнодорожного и водного транспорта). Советская делегация была представлена во всех⁸¹.

⁷⁶ Штейн Б. Е. Генуэзская конференция, с. 27–28.

⁷⁷ Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 191–195; Материалы Генуэзской конференции, с. 78–82. Стенограмма первого заседания конференции.

⁷⁸ DBFP. Ser. 1, vol. 19, p. 355–356.

⁷⁹ Материалы Генуэзской конференции, с. 87–89.

⁸⁰ Там же, с. 32.

⁸¹ Политическая комиссия часто прерывала свои заседания, переноса переговоры в кулуары. Остальные работали не прерываясь и практически завершили свою работу ко второму пленарному заседанию конференции 3 мая 1922 г. Финансовая комиссия функционировала с 11 по 29 апреля. Она приняла 19 резолюций. Экономическая комиссия была образована 13 апреля и завершила работу 5 мая. Транспортная работала с 11 по 26 апреля.

В пленарных заседаниях комиссий могли принимать участие все государства, но на них принимались резолюции, уже выработанные в рабочих подкомиссиях, и можно было только вносить оговорки и добавления. Советская делегация, наряду с делегациями пяти приглашавших держав и Германии, принимала участие в работе почти всех подкомиссий⁸². Помимо указанных семи стран, в них входило по несколько представителей других стран.

11 апреля началась работа комиссий. На первом заседании каждой из них в основу работ были положены соответствующие пункты резолюций Лондонского совещания экспертов. Эти резолюции касались всех вопросов конференции, и, как отмечал Б. Е. Штейн, давали базу для дискуссий и готовые резолюции⁸³. Таким образом, Россия оказалась перед готовыми решениями, имея право только на замечания. В этой ситуации советская делегация заняла наступательную позицию.

Главной для нее была политическая комиссия, занимавшаяся в основном проблемой включения России в европейский товарооборот. Задачей же финансовой, экономической и транспортной комиссий конференции был поиск путей восстановления хозяйственной жизни европейских стран. На заседании политической комиссии 11 апреля был избран председатель — Л. Факта и создана рабочая подкомиссия из представителей Франции, Великобритании, Италии, Японии, Бельгии, Советской России, Германии во главе с министром иностранных дел Италии К. Шанцером. Остальных участников конференции представляли делегаты Польши, Румынии, Швеции и Швейцарии⁸⁴. Ллойд Джордж предложил начать ее работу с рассмотрения первой части лондонского отчета и Каннской резолюции⁸⁵. В ходе обсуждения выявились серьезные разногласия, и во время перерыва на завтрак Ллойд Джордж предложил, чтобы английский министр торговли С. Чапман и представитель РСФСР попытались выработать согласительную формулу. От России решили направить Литвинова. Они долго совещались, но не пришли к соглашению⁸⁶.

Российская делегация попросила дать ей время для изучения документа. Ей предоставили два дня. В результате она пришла к следующему заключению: документ не затрагивает причин экономической разрухи в России (бедствий войны, интервенции, блокады и политики капиталистических стран, приведшей к изоляции России); в нем не упоминается об официальном признании России — т.е. сохраняется опасность нового военного вмешательства в ее внутренние дела, а участие иностранного капитала в финансовых, промышленных и торговых операциях в России невозможно; державы пренебрегли принципом взаимности, подняв вопрос исключительно об обязательствах России и возлагая на нее всю ответственность за свои убытки, явившиеся результатом войны, революции и даже интервенции и разрыва дипломатических отношений⁸⁷.

Пока советская делегация изучала меморандум, заседания политической комиссии были отложены, а 14–15 апреля по инициативе Ллойда Джорджа в резиденции английского премьера на вилле Альбертис главы делегаций Великобритании, Франции, Италии, Бельгии и РСФСР попытались в неофициальной

⁸² Штейн Б. Е. Генуэзская конференция, с. 31.

⁸³ Там же, с. 34.

⁸⁴ Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 731. Прим. 62; Материалы Генуэзской конференции, с. 118–121. Советская делегация заявила протест против участия Румынии и Японии, оккупировавших территории Украины и ДВР, на который не последовало реакции.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ АВП РФ, ф. 0418, оп. 1, д. 4, л. 27–29. Письмо Чичерина в Коллегию НКВД от 15 апреля 1922 г.

⁸⁷ Штейн Б. Е. Генуэзская конференция, с. 50–51.

обстановке выработать согласительную формулу⁸⁸. 14 апреля на совещании с советской стороны присутствовали Чичерин, Литвинов и Красин. Их принимали главы союзнических делегаций (кроме японской), эксперты и советники. Рассмотрение Лондонского меморандума превратилось в обсуждение многих других тем: причин и последствий выхода России из войны, Версальского договора, взаимных требований. Советские представители обозначили контрпретензии за интервенцию и блокаду, а союзники дали понять, что военные долги России они готовы покрыть ее контрпретензиями. По довоенным долгам они были склонны предоставить России длительный мораторий (10–15 лет), но твердо настаивали на уплате частных претензий в форме реституции⁸⁹. Стороны не выработали комиссионной платформы и договорились, что на следующий день встретятся их эксперты для составления картины взаимных претензий⁹⁰.

Встречи на вилле Альбертис обсуждались на заседаниях советской делегации. Не все поддержали частные переговоры. Раковский считал их противоречившими директивам Политбюро, опасался, что делегацию могут связать обещаниями. Он требовал срочно выставить советский меморандум с ответом лондонским экспертам и контрпредложениями, а в это время связаться с Москвой. К его мнению присоединились Иоффе, Красин, Сапронов и Рудзутак. Литвинов пытался их переубедить, поясняя, что неофициальные переговоры в данной ситуации необходимы, чтобы разъединить Англию и Францию. Чичерин его поддержал, подчеркнув, что делегацию не должны обвинить в срыве конференции, и призывал членов делегации держаться примирительной тактики, затягивать переговоры и просить отсрочек. Развернулись горячие споры. В результате постановили признать в принципе необходимым продолжить начатые переговоры, но придерживаться выжидательной тактики⁹¹.

15 апреля группа советских экспертов во главе с Красиным и Литвиновым в резиденции Ллойд Джорджа впервые огласила контрпретензии РСФСР за ущерб от интервенции и блокады, сумма которого составила 39 млрд золотых рублей, а представленная таблица советских контрпретензий легла в основу обсуждения «официозной комиссии» на второй встрече⁹². Однако прийти к соглашению не удалось. Государства-кредиторы отказались принять на себя обязательства в отношении претензий советского правительства. Они соглашались уменьшить военный долг России, обсудить вопрос об отсрочке уплаты процентов по финансовым требованиям и об аннулировании части процентов, но долги по частным претензиям требовали выплатить. Главной уступкой союзников был мораторий⁹³. Кроме того, они дали понять, что примут систему передачи бывшим владельцам их бывшей собственности в виде долгосрочной аренды. Российская делегация не приняла этих условий и заявила о желании связаться с правительством⁹⁴. На следующий день делегацию посетили посредники. Одни предлагали ряд компенсационных формул (погасить военные долги советскими контрпретензиями, аннулировать проценты и предоставить длительный мораторий; реституировать частную собственность), другие уговаривали подписать соглашение, которое останется на бумаге. Переговоры с посредниками тоже не привели

⁸⁸ DBFP. Ser. 1, vol. 19, p. 380–422.

⁸⁹ Штейн Б. Е. Генуэзская конференция, с. 51.

⁹⁰ Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 218–219.

⁹¹ АВП РФ, ф. 0418, оп. 1, д. 29, л. 24–28.

⁹² Там же, с. 732. Прим. 63; АВП РФ, ф. 0418, оп. 1, п. 1, д. 4, с. 29–30. Письмо Чичерина в НКВД от 15 апреля 1922 г.

⁹³ Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 260–261.

⁹⁴ АВП РФ, ф. 0418, оп. 1, д. 4, л. 30. Письмо Чичерина в НКВД от 15 апреля 1922 г.

к положительным результатам⁹⁵. Ночью 15 апреля, после встречи на вилле, бюро делегации решило послать в Москву запрос относительно предложений союзников, немедленно издать книгу о советских контрпретензиях, сообщить прессе, что ведутся неофициальные переговоры⁹⁶.

Позиция советской делегации в этот период конференции сводилась к следующему. Она отвергла условия Антанты, изложенные в Лондонском меморандуме, как несовместимые с достоинством РСФСР, и выдвинула свои контрпретензии по возмещению огромных потерь и убытков, причиненных России иностранными интервентами. Но, чтобы найти почву для соглашения, не отказывалась признать за пострадавшими иностранными гражданами право на возмещение убытков хотя бы путем предоставления им концессий. Условием делегация ставила соблюдение взаимности в экономических и политических вопросах.

16 апреля ситуация на конференции изменилась. Советская делегация заключила политический договор с Германией. Стороны отказывались от взаимных претензий, связанных с ущербом, причиненном вследствие военных действий, а Германия — от частных претензий в отношении России; дипломатические отношения немедленно возобновлялись; в торговле устанавливался принцип наибольшего благоприятствования⁹⁷. Договор явился событием огромной политической важности. Рушился единый фронт капиталистических государств, усиливалось стремление заинтересованных стран к сепаратным договорам с Советской Россией, не дожидаясь установления всеобщего мира. Российско-германский альянс вызвал большие волнения. 18 апреля были отменены заседания всех комиссий. Против РСФСР союзники никаких мер принять не могли, а вот Германию 18 апреля исключили из комиссий, где обсуждались «русские дела», как урегулировавшую все спорные вопросы с Россией⁹⁸. Советская делегация выразила свой протест⁹⁹, а Чичерин 29 апреля направил письмо Барту, в котором подчеркивал, что договор с Германией является первым в серии «частных, особых договоров», которые должны дополнить общий договор держав, собравшихся в Генуе. Они будут служить базой для мира и равновесия во всем мире¹⁰⁰.

После Рапалло престиж России возрос, положение советской делегации укрепились, и Италия восприняла изменение ситуации, как возможность завершить двусторонние переговоры с советской делегацией о заключении нового торгового соглашения¹⁰¹, что усилило диссонанс в общей линии союзников. Ввиду изменения международной обстановки советская делегация 16 апреля обсудила предложение Раковского и Красина запросить мнение ЦК о возможности компромиссных предложений: списать взаимные претензии, возникшие после 1914 г.; в случае аннулирования

⁹⁵ Материалы Генуэзской конференции, с. 167.

⁹⁶ АВП РФ, ф. 0418, оп. 1, д. 29, л. 29.

⁹⁷ Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 223–224. ВЦИК приветствовал заключение договора Германией и квалифицировал его как образец для урегулирования отношений Советской России с другими государствами.

⁹⁸ Материалы Генуэзской конференции, с. 307; см. подробнее: Рапальский договор и проблемы мирного сосуществования. М., 1963.

⁹⁹ Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 736. Прим. 74.

¹⁰⁰ Там же, с. 278–279.

¹⁰¹ Еще до начала конференции по инициативе Шанцера был проведен зондаж об отношении Москвы к сепаратным переговорам, и была образована комиссия под председательством министра торговли и промышленности Италии сенатора Э. Конти для переговоров с советской делегацией. В нее входили крупные государственные деятели и промышленники, а также генеральный секретарь МИД Италии С. Контарини. — *Хормач И. А.* Указ. соч., с. 87.

всех процентов в период моратория (на 15 лет) уплатить довоенные долги в урезанной форме в связи с уменьшением территории России; при отказе, пойти на частичные льготы в праве на концессии, реституции натурой, партиципации в государственных трестах; неультимативно потребовать признания РСФСР де-юре¹⁰². Литвинов для достижения скорейшего общего соглашения выдвинул более гибкий вариант: военные долги и проценты списать, довоенные уплатить в размере биржевой стоимости русских бумаг до Каннской конференции (около 8%) через 10 лет, а требования мелких держателей ценных бумаг удовлетворить по справедливости или предложить им аренду или привлечение к участию в смешанных обществах. Это предложение и постановили передать Политбюро¹⁰³. Однако 18 апреля из сообщения Л. Карахана стало известно, что в Москве известие об изменении ситуации никого не поколебало — там переоценивали укрепление международного положения РСФСР, а Ленин вообще ответил одним словом «порвать», полагая, что если делегация уйдет с конференции ни до чего не договорившись, международное положение страны все равно укрепитя. Его удалось убедить, что без обоснования такое заявление поставит исполнителей в трудное положение. В ЦК для принятия окончательного решения потребовали докладов от всех членов делегации¹⁰⁴.

Отстаивая достигнутые позиции, утром 20 апреля Литвинов направил письмо в Коллегию НКВД, в котором подчеркивал, что англичане готовы идти на большие уступки, но и им есть предел — они не могут заявить своим парламентам об аннулировании частных долгов. Он предлагал выработать общую формулу, под которой могли бы подписаться обе стороны, ничем не связывая себя, и передать все спорные вопросы в специальную комиссию. Это создало бы видимость соглашения и дало возможность вступить в переговоры о займах и кредитах¹⁰⁵. Еще не получив новых инструкций, 20 апреля советская делегация представила ответ на Лондонский меморандум. Она в принципе принимала положения Каннских резолюций, сохраняя за собой право вносить в них поправки. Для решения спорных вопросов предлагалось принять три тезиса: признание за каждой нацией права определять систему собственности; обеспечение прав иностранцев для хозяйственной деятельности; принцип взаимности в возмещении убытков. Соглашаясь на признание довоенных долгов, делегация потребовала возмещения за убытки, причиненные России интервенцией и блокадой со стороны союзных держав в сумме 39 млрд золотых рублей, а от возмещения военных долгов России и реституции национализированной собственности отказалась¹⁰⁶. Однако, чтобы не допустить срыва конференции, Чичерин в тот же день сообщил Ллойд Джорджу, что Москва согласна взять назад свои контрпретензии и примет требование об уплате довоенных долгов, если военные долги, неоплаченные и просроченные проценты будут аннулированы, а РСФСР будет оказана финансовая помощь, и страна будет признана де-юре. На этих условиях советское правительство соглашалось предоставить бывшим владельцам в пользование национализированное имущество, а где это невозможно, — удовлетворить их обоснованные требования по соглашению¹⁰⁷. Союзники решили, что русский ответ позволяет продолжить дискуссию, и был учрежден комитет экспертов для изучения ответа России и разработки приемлемой формулы¹⁰⁸.

¹⁰² АВП РФ, ф. 0418, оп. 1, д. 29, л. 30.

¹⁰³ Там же, л. 31.

¹⁰⁴ Там же, д. 7, л. 25–26.

¹⁰⁵ Там же, д. 5, л. 10–12. Письмо Литвинова в НКВД 20 апреля 1922 г.

¹⁰⁶ Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 232–245.

¹⁰⁷ Там же, с. 259–261.

¹⁰⁸ Материалы Генуэзской конференции, с. 157–160.

Комитет экспертов по русскому вопросу из представителей Великобритании, Бельгии, Франции, Италии, Японии, Чехословакии и Голландии заседал 22–24 апреля. Экспертом от России выступал Раковский. К сожалению, обстановка стала осложняться. С одной стороны, Ленин, ознакомившись с донесениями советской делегации из Генуи, 21 апреля передал Сталину распоряжение направить Чичерину телеграмму с требованием не идти ни в коем случае на признание частных долгов¹⁰⁹. С другой — на заседаниях комитета экспертов по русскому вопросу английская делегация ужесточила свою позицию, отказываясь рассматривать практическое решение трудных вопросов (в частности о финансовой помощи России), и даже отступила от достигнутой ранее договоренности принять письмо Чичерина в качестве базы для переговоров¹¹⁰. Заседание 24 апреля было решающим. Советская делегация представила комитету свои предложения в форме заявления. При условии оказания немедленной помощи и признании де-юре Москва была готова: 1) оплатить финансовые обязательства бывшего царского правительства, заключенные им до 1 августа 1914 г.; 2) принять меры к признанию местными властями финансовых обязательств перед державами и их гражданами; 3) предоставить в пользование иностранцам их бывшую собственность, если это возможно, или предоставить им первую очередь при сдаче их собственности в концессии или аренду, или участие в обществах и трестах. Просроченные проценты и амортизация долгов аннулировались. Державы, со своей стороны, должны были заявить о готовности вернуть России принадлежавшую ей собственность, находившуюся за границей, и урегулировать финансовые обязательства по отношению к российскому правительству. Возобновление платежей по финансовым обязательствам будет восстановлено по истечении 30-летнего срока после подписания соглашения¹¹¹.

Заявление было развитием письма Чичерина. Документ подробно обсуждался. Камнем преткновения осталось отношение к частным долгам, причем советские эксперты заявили, что принцип национализации останется неизменным¹¹². Союзники решили обсудить поднятые вопросы без русской делегации и о дате следующего собрания обещали сообщить позже. Однако комитет экспертов больше не созывался¹¹³. На попытки Чичерина выяснить причины прекращения обсуждения советской инициативы вразумительного ответа не было получено¹¹⁴. Советские дипломаты оказались в сложном положении. Они точно выполнили директивы ЦК, но переговоры зашли в тупик. Как отмечал в своем «Особом мнении» Красин 27 апреля 1922 г., соглашение на основе данной директивы было невозможно, а сама директива была направлена скорее к удобному разрыву. Получить заем от западных стран предложенными Политбюро способами было нереально¹¹⁵. Делегация встала перед дилеммой: либо уехать домой, остановившись на достигнутом, либо добиваться максимально возможного сотрудничества. Красин предлагал пойти на ряд уступок в оплате долгов и согласиться на паушальную компенсацию (3–4 млрд золотых рублей) за убытки всех частных лиц и фирм.

¹⁰⁹ Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 261. Текст телеграммы немедленно был передан Чичерину.

¹¹⁰ Материалы Генуэзской конференции, с. 173–185; Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 735–736. Прим. 73.

¹¹¹ Материалы Генуэзской конференции, с. 186–203; Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 268–269.

¹¹² Штейн Б. Е. Генуэзская конференция, с. 70.

¹¹³ Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 735–736. Прим. 73.

¹¹⁴ Там же, с. 276–277. Нота Чичерина Л. Факта от 28 апреля 1922 г.

¹¹⁵ АВП РФ, ф. 0418, оп. 1, д. 2, л. 191–192.

На эту сумму выпустить особый заем, облигации которого должны были распределить между потерпевшими соответствующие правительства. Уплату всей суммы 12 млрд обусловить признанием де-юре и официальным обещанием правительств оказать содействие в получении кредита и предоставить отсрочку на 15 лет. Красин сомневался, что это предложение будет принято, но было необходимо получить большой заем¹¹⁶.

2 мая Красин в письме членам ЦК писал, что все делегаты сошлись на целесообразности признания обоснованных частных претензий с оплатой долгосрочными бонами или партиципациями при полном отрицании реституирования. Директива о предварительных правительственных займах была неисполнимой. Срыв конференции надолго ухудшит положение России — «ни Европы, ни Америки шапками мы не закидаем»¹¹⁷. В тот же день в своем письме в Коллегию НКВД Чичерин сообщал, что создавшееся затишье (пока союзники разрабатывают свой ответный меморандум) он использовал для встреч с главами государств и министрами для выявления новых тенденций, что было одной из целей участия в конференции. «В воздухе носится возможность новой комбинации: Англия — Италия — Германия — Россия», — отмечал нарком. Но для этого нужен договор с Россией, чему препятствует вопрос о частной собственности. Делегацию посещали разные посредники — обсуждали вопрос о возможных кредитах, но предварительное требование в любом случае — признание Россией общего принципа компенсации¹¹⁸.

Новый меморандум был вручен советской делегации 2 мая. Документ представлял собой ухудшенный вариант Лондонского меморандума экспертов. Союзники требовали от России признания всех невоенных долгов и отклонили ее контрпретензии, настаивали на реституции частной собственности иностранцев. Они отмечали, что за время войны и блокады западные страны научились обходиться без России — дефицит в продукции и сырье удалось компенсировать другими источниками, но мир нуждался в возобновлении отношений с ней, и союзники предлагали оказать ей поддержку, при определенных гарантиях. Финансово-товарная помощь России возлагалась на Международный консорциум с основным капиталом 20 млн ф. ст., обеспечивавшийся национальными обществами. Он должен был финансировать предприятия, имевшие целью восстановление и развитие жизни Европы. Национальные банки также могли открыть кредиты определенным отраслям промышленности России. Великобритания была готова финансировать предприятия, служившие возрождению экономической жизни Европы. Франция — восстановлению сельского хозяйства и транспорта России. Италия — оказывать поддержку в восстановлении земледелия, водного, железнодорожного транспорта России. Япония — поощрять своих предпринимателей для торговли с Россией¹¹⁹. Таков был документ 2 мая, построенный на комбинации трех положений: восстановление, возмещение и вознаграждение, но Франция и Бельгия сочли его слишком мягким по отношению к большевикам и не подписали¹²⁰.

В тот же день состоялось второе пленарное заседание конференции. На нем были заслушаны доклады и приняты резолюции финансовой и транспортной комиссий. Финансовая комиссия, работавшая с 11 по 29 апреля, в основном занималась вопросами денежного обращения и укрепления устойчивости валют.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же, л. 195.

¹¹⁸ Там же, д. 4, л. 37–38.

¹¹⁹ Материалы Генуэзской конференции, с. 219. Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 373–375.

¹²⁰ Там же, с. 290. Меморандум подписали делегации Италии, Великобритании, Японии, Польши, Румынии, Швейцарии и Швеции. — Письмо Шанцера Чичерину 8 мая 1922 г.

Она подготовила 29 резолюций, 12 из которых составили (по определению экспертов) кодекс денежного обращения: важнейшим условием экономического восстановления Европы провозглашалась стабилизация валюты всех стран, а введение золотой валюты — целью европейских денежных систем; правительствам рекомендовалось воздерживаться от чрезмерного выпуска бумажных денег, не заключать новых кредитных соглашений, не покрываемых соответствующим обеспечением, сокращать внутренние расходы и заключить в подходящий момент международную конвенцию, чтобы централизовать и согласовать золотой спрос. Каждому государству предлагалось создать золотой запас. Английскому банку поручалось созвать представителей центральных и кредитных банков различных стран для реализации предложений конференции. Остальные резолюции касались борьбы с сокрытием капиталов от обложения налогами; ограничения контроля над валютными операциями; кредитования и некоторых других¹²¹. По определению Штейна, большинство резолюций финансовой комиссии имели платонический характер¹²², с чем пытались бороться советские делегаты. Их замечания были объединены в меморандуме, представленном на заседании финансовой комиссии 13 апреля 1922 г. Российская делегация: 1) соглашалась с необходимостью срочной стабилизации денежного эталона, но требовала учитывать, что неумеренная эмиссия является следствием расстройств народного хозяйства и чрезмерных расходов на вооружение; 2) предлагала, чтобы валютная политика большинства стран базировалась на установлении твердого соотношения между ценностью их денег и ценностью денег стран с устойчивым курсом (доллар США или фунт стерлингов), поскольку принятие единого золотого эталона затруднено из-за неравномерного распределения золота в различных странах; 3) рекомендовала оздоровление денежного обращения в экономически дезорганизованных странах проводить при содействии более сильных стран, причем помощь осуществлять в форме целевых «отраслевых» и специальных, а центральным банкам, богатым золотом стран (США) — выделить часть своего золотого резерва в распоряжение банков, приступавших к стабилизации своей валюты стран; 4) странам с устойчивой денежной единицей предлагалось согласиться на паритет своих валют в соответствии с паритетом их покупательной способности на международном рынке. Особо советская делегация подчеркнула острую необходимость в займе для укрепления валюты РСФСР¹²³. Этот проект был передан в подкомиссию денежного обращения, куда советские эксперты не входили¹²⁴.

Предложения советской делегации о займах и кредитах были изложены в докладе Раковского об экономическом и финансовом положении России в комиссии по кредитам 26 апреля, а затем оформлены в официальном письме от 3 мая 1922 г. Общая сумма кредитов для нужд восстановления народного хозяйства советских республик исчислялась в размере 8797 млн руб. золотом, из которых предполагалось вложить в течение 3–5 лет: в сельское хозяйство — 2797 млн руб., в промышленность — 1 млрд руб., в транспорт — около 5 млрд руб. (допускалось сокращение до 1 млрд руб. для сельского хозяйства и до 1 млрд руб. для транспорта). В качестве гарантий кредиторам предлагались: общий доход и специальные статьи бюджета (таможенные доходы, производство платины, экспорт товаров), а также доля от доходов концессий¹²⁵. Эти предложения тоже были «положены под сукно».

¹²¹ Материалы Генуэзской конференции, с. 358–364.

¹²² Штейн Б. Е. Генуэзская конференция, с. 101.

¹²³ Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 209–211; Штейн Б. Е. Генуэзская конференция, с. 102–105.

¹²⁴ АВП РФ, ф. 0418, оп. 1, д. 10, л. 9–10.

¹²⁵ Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 740. Прим. 81; Материалы Генуэзской конференции, с. 368–375.

Не лучше дело обстояло с советскими инициативами и в транспортной комиссии. Доклад ее председателя Тёниса (Бельгия) содержал проект резолюции, отражавшей желание участников конференции обеспечить функционирование транспорта как существенного условия возрождения европейской торговли. В частности рекомендовалось: ратифицировать конвенцию, касающуюся свободы транзита и режима судоходных путей международного значения; срочно созвать конференцию технических представителей всех правлений железных дорог европейских и других государств для установления сотрудничества и разработки вопросов о тарифах, и ставился вопрос о включении российской железнодорожной сети в общеевропейскую. Однако обсуждение проблемы российских дорог передали политической комиссии¹²⁶. Было очевидно вытеснение русской делегации из неполитических комиссий, чтобы вынудить РСФСР пойти на компромисс в решении вопросов о долгах и реституции. Надо отметить, что доклады о положении путей сообщения в отдельных странах демонстрировали их тяжелое состояние, но основная причина не вскрывалась — последствия войны и Версальский мир, разделивший единые транспортные линии и единый парк транспортных средств. И, тем не менее, резолюция транспортной комиссии была одобрена единогласно. Она просто рекомендовала всем странам привести в порядок их транспорт и соблюдать уже принятые конвенции¹²⁷.

После обсуждения работы комиссий на пленарном заседании выступил Чичерин. Он подчеркнул, что советская делегация проделала большую работу в комиссиях, а принятие резолюций стало первым международным актом, в котором участвовала Россия после четырехлетней изоляции. Вместе с тем нарком отметил, что согласно существовавшей в России системе внешней торговли, она не может отказаться от контроля над денежными операциями, напомнил, что в случае образования международных консорциумов для финансового восстановления, они не должны носить характера монополии. Упомянул он и о роли всеобщего разоружения в финансовом оздоровлении Европы, высказал ряд замечаний о работе конференции, однако заявил, что делегация будет рекомендовать своему правительству провести в жизнь те решения комиссий, которые были приняты с ее участием¹²⁸.

После пленарного заседания началась подготовка советской делегацией ответа на меморандум союзников. 7 мая Чичерин прислал в НКВД отчет о развитии ситуации в Генуе. Он считал, что по ряду положений можно добиться компромиссов, но России не дадут крупных правительственных займов, и в вопросе о частных собственниках уступок не будет¹²⁹. Французская делегация действительно получила новые инструкции правительства, согласно которым не могла ни на йоту отступить от принципа возмещения частной собственности¹³⁰. Именно в этот момент — 8 мая советская делегация распространила среди участников конференции документ «Претензии России к государствам, ответственным за интервенцию и блокаду». Весь причиненный национальному богатству России ущерб был разделен на четыре категории. К первой причислялось незаконно или по особым распоряжениям изъятые из российского золотого фонда золото в периоды 1915–1916 гг. и в 1918 г., а также ущерб от прямых разрушений материальных богатств России — 12 213,16 млн довоенных рублей. Вторая категория — убытки, временно не поддающиеся точному количественному учету (повреждения транспортной системы, расходы по содержанию жертв гражданской войны и другие) — 11 271,59 млн. Третья — ущерб,

¹²⁶ Там же, с. 379–384.

¹²⁷ Там же, с. 357–364.

¹²⁸ Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 286–288.

¹²⁹ АВП РФ, ф. 0418, оп. 1, д. 4, л. 50.

¹³⁰ Там же, л. 54–55. Телеграмма Чичерина в НКВД от 8 мая 1922 г.

выражение которого в денежной форме было затруднительно (убытки от сокращения производства в промышленности и сельском хозяйстве и т.д.) — 15 560,22 млн. Четвертая категория — убытки, учет которых или невозможен, или осложнен (захваченные белыми армиями кассы городов, убыль продуктов животноводства и другие). Всего — 39 044,97 млн руб. В документе отмечалось, что довоенные долги России покрывались уроном, нанесенным ее национальному достоянию организованными союзниками интервенцией, блокадой и гражданской войной, а военные займы погашались ее отказом от права требовать репарации на одинаковых с союзниками основаниях согласно ст. 116 Версальского договора, а также невозмещением военных расходов России в 1914–1917 гг. Часть государственного довоенного долга для хозяйственных целей (железнодорожное строительство и др.) была признана советским правительством, но, учитывая, что интервенция, блокада, гражданская война свели на нет пользу от этих займов, Москва сочла довоенный долг погашенным суммой причиненного ущерба. Россия шла на определенных условиях на признание значительной категории государственных довоенных займов, но требовала на это время¹³¹. Во второй части документа содержались материалы по балансу пассива России и ее встречные требования к державам Антанты и другим членам антигерманской коалиции¹³².

Через три дня — 11 мая Российская делегация передала ответ на меморандум 2 мая¹³³. В нем констатировалось, что документ союзников не принес справедливого решения русской проблемы. Восстановление России с учетом предложений советской делегации относительно займов, кредитов и концессий должно быть положено в основу обсуждения. Российское правительство выражало готовность признать преимущественное право бывших собственников при передаче их владений в концессии, т. е. Москва была готова уважать интересы мелких собственников. Выходом из создавшегося положения могло стать это предложение или взаимное аннулирование претензий. Для разрешения спорных финансовых вопросов предлагалось создать смешанный комитет экспертов¹³⁴.

Обсуждение советского ответа началось 13 мая. Все признали, что он содержит отказ по всем пунктам, но Ллойд Джордж рекомендовал принять советское предложение о выводе самых сложных вопросов за рамки Генуэзской конференции и рассмотреть вопросы о кредитах, долгах и частной собственности в России в смешанной комиссии с тремя подкомиссиями, причем на время ее работы заключить договор о ненападении на базе существовавших границ с участием в нем России, а также соглашение о воздержании от антиправительственной пропаганды. Барту отверг проект договора о перемирии, настаивал на прекращении конференции и назначении комиссии без участия России и Германии. Шанцер же попытался примирить позиции. После обеда переговоры продолжились и в кулуарах, и на заседании. Позиции Ллойда Джорджа и Барту постепенно сближались. В результате решили, что в Генуе должна быть разработана программа, определены состав, место и дата созыва комиссии по русским делам, но ее члены будут назначены правительствами. Подняли вопрос и о временном запрещении сепаратных переговоров, но тут Италия выдвинула два условия: запрет должен распространяться только на политические договоры, и она может заключать с Россией торговый договор; конференция должна точно определить сроки работы комиссии, чтобы по истечении этого времени все получили право заключать

¹³¹ Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 293–297.

¹³² Там же, с. 297–359.

¹³³ Там же, с. 361–372.

¹³⁴ Там же, с. 372–373.

политические договоры с Россией. Итальянских делегатов поддержали шведский и швейцарский представители¹³⁵. Продолжение дебатов назначили на 15 мая, а Шанцер в тот же день добился согласия Англии на заключение Италией нового торгового соглашения с РСФСР¹³⁶. Москва, со своей стороны, учитывала создававшуюся ситуацию, и в начале мая Ленин дал распоряжение Чичерину добиваться заключения с Италией сепаратного соглашения¹³⁷, а 14 мая Политбюро направило наркому телеграмму с директивой «всячески стремиться к сепаратным соглашениям с отдельными странами»¹³⁸, что стало дополнительной задачей делегации.

Предложение Ллойд Джорджа заключить соглашение о ненападении с участием в нем России на время решения финансово-экономических проблем вывело конференцию из тупика. Однако то, что на заседание политической подкомиссии по определению состава и условий созыва этого комитета советские представители не были приглашены, а США предложили обязать участников не заключать с Россией ни политических, ни экономических соглашений до окончания работ комиссии, Чичерин считал возобновлением блокады. 14 мая советская делегация направила председателю конференции Л. Факта письмо с резким протестом и потребовала немедленно созвать политическую комиссию для обсуждения предложения о создании смешанной комиссии¹³⁹. На следующий день союзники вновь обсуждали судьбу конференции, причем Ллойд Джордж сделал уступку Франции, согласившись на тайный сговор временно не заключать сепаратных договоров с Россией.

Рассмотрения разногласий, существовавших между советским и другими правительствами по вопросам о долгах, частной собственности и кредитах решили продолжить в Гааге 26 июня в комиссии экспертов государств, участвовавших в Генуэзской конференции (кроме Германии). Работы новой конференции были ограничены 8-месячным сроком. Выработав основные подходы к решению проблемы, эксперты должны были передать выводы своим правительствам, которые и решат, будут ли они продолжать обсуждение экономических и финансовых проблем с советской делегацией. Комиссия делилась на две части — иностранную (без участия России) и русскую, причем первая начнет работу на 11 дней раньше второй. На время заседаний между РСФСР и другими государствами будут приняты взаимные обязательства о ненападении и воздержания от пропаганды сроком до 26 сентября. В этот период ни одна из держав не могла заключать сепаратных договоров с Россией¹⁴⁰.

16 мая на заседании первой подкомиссии Политической комиссии участникам официально вручили «Проект статей, подлежащих сообщению Российской делегации» — тексты сообщения о Гаагской конференции и пакта о ненападении. Председатель Шанцер отметил, что почва в значительной мере уже расчищена и конференция может порекомендовать дальнейшее обсуждение некоторых вопросов другому собранию¹⁴¹. В документе говорилось о согласии держав на назначение комиссии для дальнейшего рассмотрения расхождений с Россией по вопросам долгов, частной собственности и кредитов, создании двух комиссий для работы на началах полного равенства. Их состав должен был быть объявлен не позднее

¹³⁵ DBFP. Ser. 1, vol. 19, p. 866, 889–894.

¹³⁶ Ibid., p. 894.

¹³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 183, 185.

¹³⁸ Там же, с. 187.

¹³⁹ Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 380–382. Письмо Чичерина Шанцеру от 14 мая 1922 г.

¹⁴⁰ Материалы Генуэзской конференции, с. 256–257.

¹⁴¹ АВП РФ, ф. 0418, оп. 1, д. 4, л. 48.

20 июня¹⁴². Чичерин попросил сутки, чтобы делегация могла проанализировать документ¹⁴³.

На следующий день на заседании подкомиссии Чичерин после жесткой критики методов обсуждения русского вопроса, напомнил, что именно советская делегация предложила создать смешанную комиссию экспертов, и заявил, что в интересах соглашения Россия, невзирая на процедурные разногласия, примет участие в предлагаемой конференции. По вопросу о запрете заключения сепаратных договоров с Россией нарком заявил: если выяснится, что другие державы делают попытки лишить какие-либо правительства свободы действий в отношениях с Россией, Москва пересмотрит вопрос об участии в комиссии. Делегация выразила согласие подписать договор о ненападении, но потребовала гарантий¹⁴⁴.

Ллойд Джордж в ходе дискуссии ответил на замечания Чичерина, подчеркнув, что при непримиримости двух систем, налицо сближение, ведущее к сотрудничеству¹⁴⁵. Чичерин внес несколько поправок к документу союзников о составе советской делегации (Россия и союзные с нею республики Украина, Белоруссия, Грузия, Армения, Бухара, Дальневосточная республика и Хива). Получив гарантию, что обязательство о ненападении будет обеспечивать все границы России, Советских Республик и Дальневосточной Республики, а делегация России в Гааге будет пользоваться дипломатическим иммунитетом, Чичерин заявил, что Россия в Гаагу поедет¹⁴⁶. 18 мая пленарное заседание первой комиссии утвердило решение о созыве 26 июня в Гааге «нерусской» и «русской» комиссий. Работы новой конференции были ограничены 8-месячным сроком и было утверждено также взаимное обязательство о ненападении (с дополнительным четырехмесячным сроком действия по окончании работ комиссии) и о воздержании от всякой пропаганды¹⁴⁷.

19 мая состоялось последнее пленарное заседание Генуэзской конференции. На нем был принят доклад экономической комиссии¹⁴⁸. С середины апреля под председательством француза М. Кольра она изучала вопросы восстановления товарообмена и покупательной способности населения, таможенных пошлин, перепроизводства товаров, сырьевого голода, безработицы¹⁴⁹. Подходы к их решению не отличались от принятых в других комиссиях и вызывали критику советской делегации. Из резолюций выхолащивалась сущность вопроса, а многочисленные оговорки лишали их всякой значимости. Так, при рассмотрении чрезвычайно значимой для Европы проблемы сырья в резолюции был провозглашен общий принцип права государства распоряжаться своими естественными богатствами.

Комиссия рассмотрела доклады о таможенной политике государств, торговых договорах и конвенциях, режиме для иностранцев, занимавшихся торговлей, защите промышленной, литературной и художественной собственности, вопросах сельского хозяйства и труда и предложила установить гарантии для ввоза и вывоза товаров, публиковать все таможенные тарифы, ввести сопоставимые номенклатуры. Государствам предлагалось обеспечить беспошлинный вывоз сырья, превышающего их внутреннюю потребность, сократить запрещения или ограничения импорта и экспорта, кроме товаров, представляющих предмет монополии, обеспечения здравоохранения и т. п. Предлагалось возобновление торговых

¹⁴² Материалы Генуэзской конференции, с. 256–257.

¹⁴³ Там же, с. 245–256.

¹⁴⁴ Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 387–389.

¹⁴⁵ Материалы Генуэзской конференции, с. 265–270.

¹⁴⁶ Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 394–398, 401.

¹⁴⁷ Материалы Генуэзской конференции, с. 297–302.

¹⁴⁸ Там же, с. 430.

¹⁴⁹ Там же, с. 399.

отношений, основанных на принципе взаимности. Большое внимание было уделено режиму иностранцев и иностранных фирм, занимавшихся торговлей. Рекомендовалось максимально освободить их от налогов и сборов. Предлагалось обеспечить защиту прав на промышленную, литературную и художественную собственность, присоединиться к уже имевшимся соответствующим конвенциям. По вопросам труда и борьбы с безработицей были выработаны рекомендации о необходимости соглашений, предложенных международными конфедерациями труда, допускавшие эмиграцию и иммиграцию трудящихся, сдачу им подрядов на общественные работы. Международному бюро труда при Лиге наций рекомендовалось собирать и публиковать сведения об опыте борьбы с безработицей. Однако все эти статьи носили рекомендательный характер¹⁵⁰.

Перед голосованием выступил Чичерин, который напомнил о главных возражениях, высказанных российской делегацией в ходе работ комиссии, подчеркнул, что для восстановления Европы необходима новая политическая ориентация, и заявил, что советская делегация принимает доклад Экономической комиссии в целом¹⁵¹. Затем была одобрена резолюция о созыве конференции в Гааге¹⁵² и подведены итоги Генуэзской конференции. Ее называли одной из самых замечательных конференций в мировой истории и жестко критиковали предложения Москвы¹⁵³, однако глава итальянской делегации Л. Факта, а также представители Венгрии, Болгарии, Японии и Румынии особо отметили значение возвращения России к общеевропейской экономической жизни¹⁵⁴. Чичерин в своем выступлении не стал опровергать нападки, а справедливо отметил огромное значение факта организации конференции стран без различия между победителями и побежденными, с разными системами собственности, хотя подчеркнул, что результаты форума не оправдали ожиданий народов, поскольку не было сделано смелого шага к выработке нового подхода к решению сложных международных проблем. За некоторыми исключениями конференция оказалась неспособной внести что-то конструктивное. Нарком выразил надежду, что этот опыт будет учтен, а принцип равноправия стран будет принят в Гааге¹⁵⁵.

Работа Генуэзской конференции показала, что капиталистическим государствам не удалось на намеченном ими уровне справиться с проблемой экономического восстановления Европы и решить спорные вопросы с Советской Россией. Стороны не смогли выработать взаимоприемлемые условия, так как ведущие державы пытались выступать с позиции силы и диктовать Москве свои условия. С другой стороны, требования советской делегации не всегда отвечали моменту, хотя в ряде существенных вопросов она шла на компромисс, насколько позволяли директивы советского руководства. Программы двух сторон было практически невозможно согласовать, и был выработан, видимо, единственный разумный подход — перейти к решению конкретных экономических проблем на конференции экспертов и развивать сотрудничество постепенно. Тем не менее для советского государства Генуэзская конференция имела большое значение — она явилась одним из этапов в становлении взаимоотношений советского государства с капиталистическим миром в целом и с отдельными капиталистическими

¹⁵⁰ Там же, с. 407, 414–427.

¹⁵¹ Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 406–407, с. 745. Прим. 97. Материалы Генуэзской конференции, с. 413.

¹⁵² Материалы Генуэзской конференции, с. 430–432.

¹⁵³ Там же, с. 443–444.

¹⁵⁴ Там же, с. 445–454.

¹⁵⁵ Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 410–411.

государствами, в частности. По определению Л. Б. Красина, ценнейшим результатом конференции стало создание прецедента попытки решения спорных вопросов между советским государством и капиталистическими странами не военным, а мирным путем, путем переговоров¹⁵⁶. Генуя была также рубежом в формировании советской внешней политики, так как был сделан шаг от полного отрицания возможности сотрудничества с капиталистическим миром и декларативных заявлений революционного характера к попыткам ведения конструктивного диалога, основанного на компромиссах, и твердом обозначении пределов уступок.

Коллективного признания РСФСР не добились, но ряд государств был готов пойти на этот шаг индивидуально. В Генуе стали очевидны серьезные разногласия между великими державами в «русском вопросе». Некоторые страны, осознав бесплодность конфронтации и безнадежность достижения общего соглашения с Россией по финансово-экономическим проблемам, сочли более разумным установление связей с Советской Россией по примеру Германии. Среди них была и Италия. 7 июня в палате депутатов и 16 июня в сенате выступил министр иностранных дел Италии К. Шанцер, который заявил, что одним из существенных условий укрепления мира и «экономического возрождения» является заключение общего договора с РСФСР, и сообщил, что Италия в числе других участников конференции намерена поднять вопрос о сепаратном соглашении с РСФСР¹⁵⁷. 24 мая 1922 г. было подписано новое советско-итальянское торговое соглашение, причем с соблюдением дипломатического этикета¹⁵⁸.

Если исходить из того, что в программе Советской России было три пункта — признание де-юре, аннулирование долгов, получение кредитов, нельзя сказать, что ее удалось осуществить. Признания Россия формально не добились, но на деле, по мнению Штейна, она получила больше, чем де-юре: переговоры со всеми странами Европы в течение полутора месяцев; договор о ненападении, где стояла ее подпись, как стороны, берущей на себя обязательства и получающей права. Аннулирования долгов Россия не добились, но зафиксировала пределы своих уступок и заставила страны-кредиторы пересмотреть свои претензии. Кредитов она не получила, но этот вопрос был перенесен в Гаагу и взят на заметку частными финансовыми компаниями и банками. Генуэзская конференция для Советской России сыграла роль глубокой разведки в тылу у неприятеля¹⁵⁹. Как писал М. М. Литвинов в Политбюро 7 июня 1922 г.: «Генуэзская конференция успешно выполнила роль зонда и отчетливо выяснила минимальные требования и максимальные уступки одной и другой стороны»¹⁶⁰.

Библиография

Галин В. В. Тенденции. Интервенция и гражданская война. М., 2004.

История внешней политики СССР 1917–1980, в 2-х т. М., 1981.

История дипломатии, т. 3. М., 1963.

Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, 45.

Лопатин В. Ф. Провал антисоветских планов США. Генуя — Гаага. 1922. М., 1963.

¹⁵⁶ Известия ВЦИК, 27.VI.1922.

¹⁵⁷ А. Р. Camera dei deputati. Roma. 1922. Leg. 26, vol. 6, p. 5790–5792; 5794–5799; Camera dei senatori. Leg. 26, vol. 3, p. 2595–2596.

¹⁵⁸ Документы внешней политики СССР, т. 5, с. 383, 386, 458. ВЦИК не счел возможным его ратифицировать, так как почти все привилегии, предоставленные Италии, распространялись бы и на другие государства.

¹⁵⁹ Штейн Б. Е. Генуэзская конференция, с. 125–126.

¹⁶⁰ АВП РФ, ф. 0418, оп. 1, п. 1, д. 2, л. 199.

- Любимов Н. Н., Эрлих А. Н. Генуэзская конференция. Воспоминания участников. М., 1963.
Рапалльский договор и проблемы мирного сосуществования. М., 1963.
Рубинштейн Л. Н. Внешняя политика Советского государства в 1921–1925 гг. М., 1953.
Сонкин М. Е. Ключи от бронированных комнат. М., 1970.
Хормач И. А. Отношения между Советским государством и Италией 1917–1924 гг. М., 1993.
Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961.
Шишкин В. А. Ленин и внешняя политика Советского государства (1917–1925). Л., 1977.
Штейн Б. Е. Генуэзская конференция. М., 1922.
La conferenza di Genova ed il trattato di Rapallo 1922. Roma, 1974.
Maillo A. M. Il Foreign Office e la Conferenza di Genova. — La Conferenza di Genova ed il trattato di Rapallo 1922. Roma, 1974.
Petracchi G. La Russia rivoluzionaria nella politica italiana: Le relazioni italo-sovietiche 1917–1925. Roma – Bari, 1982.
Petricioli V. Italia alla Conferenza di Cannes. — La Conferenza di Genova ed il trattato di Rapallo 1922. Roma, 1974.

References

- Chicherin G. V. Stat'i i rechi po voprosam mezhdunarodnoi politiki [Articles and Speeches on International Politics]. Moscow, 1961. (In Russ.)
Galin V. V. Tendentsii. Interventsiia i grazhdanskaia voina [Trends. Intervention and Civil War]. Moscow, 2004. (In Russ.)
Istoriia diplomatii [The History of Diplomacy], vol. 3. Moscow, 1963. (In Russ.)
Istoriia vneshnei politiki SSSR 1917–1980 [The History of Foreign Policy of the USSR 1917–1980], in 2 vol. Moscow, 1981. (In Russ.)
Khormach I. A. Otnosheniia mezhdru Sovetskim gosudarstvom i Italiei 1917–1924 gg. [Relations between the Soviet State and Italy 1917–1924]. Moscow, 1993. (In Russ.)
Lenin V. I. Poln. sobr. soch. [Full Composition of Writings]. Moscow, vol. 44, 45. (In Russ.)
Liubimov N. N., Erlikh A. N. Genuezskaia konferentsiia. Vospominaniia uchastnikov [Genoese Conference. Memoirs of the Participants]. Moscow, 1963. (In Russ.)
Lopatin V. F. Proval antisovetskikh planov SShA. Genua – Gaaga. 1992 [Failure of US Anti-Soviet Plans. Genoa – The Hague. 1922]. Moscow, 1963. (In Russ.)
Rapall'skii dogovor i problemy mirnogo sosushchestvovaniia [The Rapallo Treaty and the Problems of Peaceful Coexistence]. Moscow, 1963. (In Russ.)
Rubinshtein L. N. Vneshniaia politika Sovetskogo gosudarstva v 1921–1925 gg. [Foreign Policy of the Soviet State in 1921–1925]. Moscow, 1953. (In Russ.)
Shishkin V. A. Lenin i vneshniaia politika Sovetskogo gosudarstva (1917–1925) [Lenin and the Foreign Policy of the Soviet State (1917–1925)]. Leningrad, 1977. (In Russ.)
Shtein B. E. Genuezskaia konferentsiia [Genoese Conference]. Moscow, 1922. (In Russ.)
Sonkin M. E. Kliuchi ot bronirovannykh komnat [Keys to Armored Rooms]. Moscow, 1970. (In Russ.)
La conferenza di Genova ed il trattato di Rapallo 1922. Roma, 1974.
Maillo A. M. Il Foreign Office e la Conferenza di Genova. — La Conferenza di Genova ed il trattato di Rapallo 1922. Roma, 1974.
Petracchi G. La Russia rivoluzionaria nella politica italiana: Le relazioni italo-sovietiche 1917–1925. Roma – Bari, 1982.
Petricioli V. Italia alla Conferenza di Cannes. — La Conferenza di Genova ed il trattato di Rapallo 1922. Roma, 1974.